

то странно загадочно обрисовывались нѣсколько сутуловатыя плечи, довершая въ какомъ-то невыразимо экспрессивномъ движеніи свое одиночество, свою тоску, свою слабость.

Этого момента я не забуду никогда.

Я открылъ свой альбомъ и на плотной, сѣйкой бумагѣ сталъ набрасывать то, что мучило меня, трогало, волновало...

Я забылъ про Академію Художествъ, про учителей, которые заставляли нась грамотно рисовать и открывая листъ за листомъ, мазалъ и думалъ:

— Скоро-ли уйдетъ мой великий натуралистъ? Чрезъ нѣкоторое время характерная голова великаго писателя была зарисована въ нѣсколькихъ поворотахъ и кое гдѣ тронута пастелью.

Довольно. Я захлопнуль альбомъ и подумалъ: Подойти къ Льву Николаевичу, поговорить съ нимъ, въ ту минуту я могъ многое сказать, а другой голосъ сверлилъ: не нужно, не прибавляй лишнихъ страданій въ чашу жизни этого человѣка.

Неужели этотъ титанъ, этотъ мудрецъ, этотъ тонкій геніальный художникъ не видитъ, не чувствуетъ той тяжести, которая лежитъ на его старыхъ плечахъ?

Тяжелое, гнетущее состояніе я испытывалъ, бродивши по окрестностямъ «Ясной Поляны», направляясь обратно на станцію «Засѣка» со своимъ альбомомъ, кровью и слезами добытыхъ мною набросковъ.

Два года прошло съ тѣхъ поръ, два года сом-